

Начальник симбирского сыска

6 июля 1908 года в России был принят закон «Об организации сыскной части». В его развитие в 1910 году утверждена инструкция чинам сыскных отделений. Для общего руководства сыскной полицией в составе департамента полиции создаётся специальное подразделение – восьмое делопроизводство. Однако серьёзным недостатком в организации сыскных отделений являлось то, что они строились по децентрализованной системе, то есть каждое отделение входило в полицейское управление города или уезда и замыкалось в рамках подведомственной территории. При необходимости розыска преступника за пределами этой территории начальники сыскных отделений должны были сноситься с департаментом полиции через начальников уездных полицейских управлений, полицмейстеров и губернаторов. Штаты сыскных отделений были невелики (от 8 до 20 человек). Всё это сказывалось на эффективности их работы.

Для желающих попасть в сыскные и охранные отделения устанавливались строжайшие критерии отбора: отсутствие судимости и компрометирующих материалов в компетентных органах. Работа сыскных отделений по производству дознаний осуществлялась под контролем и руководством прокурора местного окружного суда. Более того, он регулярно получал информацию начальников отделений о проведении негласных оперативных мероприятий предупредительного или профилактического характера. Сыскным чинам (полицейским надзирателям и городовым) запрещался сбор сведений частного характера (не имеющих отношения к расследуемым делам) в отношении семейного положения, коммерческой деятельности, кредитоспособности обывателей, особенно по просьбе третьих лиц. На вооружении чинов сыскных отделений находилось огнестрельное оружие – револьверы и специальные средства – «предупредительные связки» (облегчённые наручники).

Сыскное отделение при полицейском управлении Симбирска открылось в ноябре 1908 года. Оно вело розыск и дознание по уголовным преступлениям: убийствам, грабежам, кражам... Сначала в отделении работали 7 сотрудников, а к началу 1917 года в штате трудились уже 13 человек. Это – начальник с зарплатой 233 рубля 33 коп. в месяц, его помощник (оклад 175 рублей), письмоводитель, регистратор и фотограф получали по 66 рублей, три надзирателя первого разряда зарабатывали по 87 рублей 50 коп., четыре – второго разряда – по 46 и рассыльный – 33 рубля в месяц.

В адресной книге-календаре 1916 года указывается, что начальником отделения служил губернский секретарь Пётр Иванович Мицкевич. Под его началом находились полицейские надзиратели – коллежский регистратор Пётр Иванович Храмов, а также не имеющие чина Тихон Семёнович Полозов и Андрей Николаевич Лысов.

1 марта 1917 года в газете «Симбирские губернские ведомости» был опубликован приказ симбирского губернатора от 22 февраля того же года. В нём говорилось:

«Исполняющий обязанности надзирателя 1 разряда Симбирского сыскного отделения не имеющий чина Тихон Полозов, согласно телеграмме директора департамента полиции от 20 сего февраля № 46, допущен к временному исполнению обязанностей помощника начальника названного сыскного отделения с производством ему, Полозову, содержания, положенного по этой должности законом от 23 октября 1916 г.»

Жаль, что пробыть в этой должности новоиспечённому помощнику оставалось всего несколько дней.

Согласно всё той же справочной книжке и адрес-календарю Симбирской губернии, размещалось сыскное отделение на Панской улице (ныне ул. Энгельса) в доме купца Мухина (сейчас это дом № 56). Здесь же находилась и служебная квартира начальника. С момента организации и до марта 1917 года эту должность исполнял Пётр Иванович Мицкевич.

В автобиографии, составленной уже в двадцатые годы прошлого века, он писал: «По происхождению я сын мещанина, родился в городе Киеве в 1870 году. Мой отец сапожник, работал в мастерской магазинладельца в городе Киеве у Штольцмана. Будучи сыном бедных родителей, образования не получил, а занимался лишь самообразованием.

С 15 лет до 21 года служил мальчиком в городе Киеве в чайном магазине Климушина. По набору был принят солдатом на военную службу и слу-

Дом №56 на улице Энгельса. В начале прошлого века здесь находилось Симбирское сыскное отделение

жил в городах Таганрог и Саратов в течение около 4 лет. Уволен был в запас армии в звании старшего писаря 3-й батареи 6-й резервной артиллерийской бригады 31 августа 1895 года, в том же году поступил на службу конторщика на станцию Саратов II Рязанско-Уральской железной дороги, затем служил в той же должности на станции Козлов и, наконец, в Камышине в должности кладовщика; прослужив 9 лет, в 1904 году я был уволен инженером Степановым несправедливо, но ввиду царившего засилья буржуев восстановить службу не мог, и мне пришлось скитаться и голодать в течение нескольких месяцев.

Эта нужда меня заставила в 1905 году осенью поступить писцом в полицию в городе Саратове, и меня числили на вакансию околоточного надзирателя, причём и по этой должности впоследствии мне пришлось нести обязанности».

Дальнейшему продвижению Мицкевича вверх по служебной лестнице способствовали, как ни странно, революционеры-террористы. После того как 4 октября 1906 года ими был убит симбирский губернатор К.С. Старынкевич, на его место прибыл саратовский вице-губернатор Дмитрий Николаевич Дубасов, перетянувший с собой в Симбирск ряд полицейских чинов, среди которых оказался и скромный писарь Мицкевич. Тут возникают вопросы: неужели вице-губернатор был знаком с мелким полицейским служащим настолько коротко, что счёл необходимым взять его с собой в Симбирск? Неужели всего за год службы Пётр Иванович сумел зарекомендовать себя так блестяще, что его карьерой озаботился сам саратовский вице-губернатор? Но тогда почему, оказавшись в Симбирске, столь радостельный чиновник получил совершенно рядовую канцелярскую должность в губернском правлении? Впрочем, пробыл он на ней недолго.

13 апреля 1907 года в Карсуне выстрелами из браунинга был смертельно ранен карсунский уездный исправник В.В. Шемякин. И тридцатисемилетний Мицкевич занял освободившееся место. Но «полицейская служба вообще мне не нравилась, я стал проситься на службу по уголовному розыску. Эта служба меня интересовала с молодых лет благодаря

прочитанным романам о приключениях сыщиков Путилина, Видока, о научных методах французского гражданина Бертильона и др.», – писал П.И. Мицкевич. Свой перевод в Симбирск «заведывающим уголовным сыскным отделением» Пётр Иванович объясняет тем, что «любителей из буржуев и с чинами на эту должность не оказалось».

Служба и вправду была беспокойной. Вечером 30 июля 1909 года в контору Карамзинской колонии душевнобольных ворвались два замаскированных и вооружённых революционерами налётчика. Забрав из кассы 2502 рубля 54 копейки больничных денег, грабители пытались скрыться на извозчике. Однако это не было рядовым разбоем. Это был популярный в те годы революционный «экс».

Благодаря энергичным действиям П.И. Мицкевича и сотрудников Симбирского отделения уголовного розыска в тот же вечер «экспроприаторов» задержали в «дачах города Симбирска». Всё похищенное было возвращено по назначению, преступники приговорены к каторжным работам.

«В моей практике были и такие случаи, когда, разобравшись при дознании, я устанавливал симуляцию со стороны заявителей-буржуев. Например, бывшая аптекарша Добровольская за ложное обвинение в краже её прислуги была приговорена к 3 месяцам тюрьмы; бывший купец Комаров тоже был привлечён к ответственности за ложное обвинение его приказчицы Марии Евдокимовны Просоловичи, и много других таких случаев».

Однако на самом деле образ «рыцаря сыска» был не таким уж беспорочным, каким его пытался нарисовать Мицкевич в своей биографии. В архивах сохранился ряд документов, позволяющих усомниться в кристальной честности главного городского сыщика.

28 января 1912 года начальник Симбирского жандармского управления С.П. Шабельский получил из департамента полиции МВД секретную бумагу. В ней говорилось:

«Препровождаю при сём поступившее в Департамент Полиции заявление о систематическом присвоении Начальником Симбирского сыскного отделения Мицкевичем денежных сумм этого отделения с помощью

подлогов, имею честь просить Ваше Высокоблагородие собрать по содержанию сего заявления надлежащие сведения самым негласным путём и сообщить таковыя мне в возможно скором времени, для доклада Г. Министру Внутренних Дел.

Примите, Милостивый государь, уверения в совершенном моём почтении и преданности».

К сопроводительному письму прилагалось подробное описание сомнительных деяний «подозреваемого»:

«И.д. начальника Симбирского сыскного отделения, Пётр Иванович Мицкевич, систематически расхищает казённые деньги, а именно:

1. В течение 1910 и 1911 годов от Начальника Симбирского Губернского Жандармского Управления г. Мицкевич в разное время получал деньги свыше 150 рублей за фотографические работы – снятие копий с фотографических карточек лиц, обвиняемых в политическом преступлении, каковыя деньги г. Мицкевичем на приход по денежным книгам не записаны, а присвоены в личную собственность, между тем карточки работали полицейским надзирателем Молчановым из материала, который приобретался преимущественно из авансовых денег, отпускаемых на сыскные надобности...

2. В отчётах об израсходованных деньгах, отпущенных на сыскные надобности в 1910 и 1911 годах, которые хранятся во вверенном Вашему Превосходительству Департаменте Полиции, имеется масса неправильных записей, как то, в отчётах за июнь, июль и август месяцы 1911 года значится: Козлову за сообщение о приготовлении на ограбление какого-то священника выдано 40 рублей. В действительности же упомянутому Козлову выдано лишь 5 рублей. Айзатулле Юсупову за указание какого-то вора – 15 или 25 рублей, а в действительности выдано Юсупову лишь 5 рублей.

3. В отчёте, представленном в Симбирское Городское Полицейское Управление при рапорте от 15 сентября 1911 года за № 1765, значится, что Богатырёву уполчено за лес, употреблённый на исправление полов в архиве сыскного отделения – 5 рублей 75 коп., в этом же отчёте

значится уплоченным Шаронину за исправление полов в том же архиве 2 рубля 80 коп., между тем в архиве сыского отделения никакого ремонта или исправления не было, а таковыя деньги Мицкевичем были израсходованы на исправление полов в конюшне для принадлежащей ему коровы.

Вообще, г. Мицкевич за время состояния его на должности начальника Симбирского сыского отделения периодически присваивал казённые деньги, выписывая в расход большие суммы, против фактического расхода. Ещё при открытии сыского отделения в 1908 году Мицкевичем присвоены около 100 рублей, приложив к отчёту счёт, что указанная сумма израсходована на приобретение одежды для переодевания, каковая одежда, состоящая из поношенной шинели и тужурки г. Мицкевичем не куплены, а переданы в отделение из имевшейся у него собственной одежды...

Всё вышеизложенное могут подтвердить все служащие чины сыского отделения, в том числе и полицейские надзиратели Устинин и Молчанов и городовою Трусенев, как старья служащие, даже могли бы доказать подлоги Мицкевича и из отчётов 1908 и 1909 гг.».

Машинописный текст, представленный начальнику жандармского управления, очевидно, является копией документа, присланного в департамент полиции, поскольку он заверен тамошним делопроизводителем.

Очевидно также, что автор послания служил в сыском отделении — приведённых в жалобе мелких подробностей, включая номера счетов и отчётов, посторонний человек знать просто не мог. Эти же подробности наводят на мысль, что многое из изложенного (если не всё) имело место быть в действительности.

Короче говоря, при желании жандармским чинам не стоило бы больших усилий проверить факты и вывести нечистого на руку полицейского на чистую воду. Однако они этого почему-то не сделали. Во всяком случае, каких-либо ссылок на состоявшуюся проверку и её результаты отыскать пока не удалось. Косвенно отсутствие таких результатов подтверждает тот факт, что Мицкевич остался во главе сыского отделения.

Значит, либо все обвинения оказались ни на чём не основанной клеветой, попыткой подсадить начальство, либо жандармское управление не было заинтересовано в смещении главного городского сыщика.

«После революции начальник Симбирского сыского отделения П.И. Мицкевич почёл за лучшее уволиться со службы и перебраться к себе на родину, в такой далёкий, но казавшийся вполне благополучным город Киев», — говорится в книге «Ульяновский уголовный розыск. Люди, время, события». Однако в действительности всё происходило несколько иначе.

На самом деле Мицкевич был уволен от должности 7 марта 1917 года решением городского исполнительного комитета, а «дела, документы и переписка сыского отделения взяты под охрану, а заведывание отделением поручено городским самоуправлением Д.Ф. Морачевичу». Вскоре бывшего начальника выселили из служебной квартиры в помещении сыского отделения. В отличие от Мицкевича, полицейское прошлое почему-то не мешало бывшему помощнику алатырского полицейского исправника Дионисию Фёдоровичу Морачевичу оставаться в «системе».

А может быть, дело не только в происхождении? Напомним, что ещё в 1912 году департамент полиции получил хоть и анонимный, но очень подробный доклад о махинациях, которые проворачивал глава городского сыска с казёнными деньгами и имуществом. Документ переправили в Симбирское жандармское управление С.П. Шабельскому, однако тот дальнейшего хода бумаге почему-то не дал.

И вот прошло пять лет. Новый руководитель сыского отделения принимает дела своего предшественника. И что же?

«В Симбирскую городскую управу.»

По добытым мною сведениям, бывший начальник Симбирского сыского отделения Мицкевич из городской управы получил деньги на отопление и освещение сыского отделения за весь 1917 год, между тем, как денег, так и предметов отопления и освещения, за исключением трёх погонных сажень дров, достаточных только на один месяц, не оставил. О чём до сведения городской управы и довожу.

*Заведывающий общим делопроизводством Симбирской городской милиции Морачевич.
март 1917 г.».*

А вскоре Мицкевич был арестован вместе с бывшим жандармским освещителем неким Мордвовым.

*«Господину Симбирскому
Губернскому комиссару*

Вследствие сообщения от 12 сего августа за № 3045 прошу Вас, господин Комиссар, уведомить меня, задержан ли и подлежит ли задержанию бывший начальник Симбирского сыскного отделения Мицкевич и бывший сотрудник Жандармского управления Мордвов, и если задержаны, то где содержатся под стражей.

*Зам. председателя
следственной Комиссии».*

Впрочем, под стражей бывший главный симбирский сыщик пробыл недолго. Вскоре, воспользовавшись революционной неразберихой,

он покинул Симбирск. Хотя и не навсегда. В начале 20-х годов он вернулся и в наш город, на службу в уголовный розыск.

Кстати, 9 ноября 1917 года по уголовному отделению Симбирского окружного суда коллегией в составе председательствующего Ф.С. Гельшера, членов суда А.С. Осовицкого и Л.Н. Грауэрта, при прокуроре А.А. Дедюлине в распорядительном заседании было рассмотрено представление судебного следователя 2 участка Симбирского уезда о выдаче вознаграждения начальнику сыскного отделения за «изготовление фотографической карточки с арестанта Ивана Петровича Скоробогатова-Болотина по делу о краже в пути у пассажирки Анастасии Ивановны Бариновой корзинки с вещами». Рассмотрев представления следователя и заключение прокурора о правильности

расчётов, суд определил: «...означенный расчёт утвердить и выдать начальнику сыскного отделения Симбирской городской милиции вознаграждение в сумме 1 (одного) рубля за изготовление фотографической карточки арестанта».

Ещё рубль начальник сыскного получил в тот же день за фотографию арестанта Гатаулина по делу о краже у пассажира парохода «Гильденбранд» Алексея Васильевича Перегудова байкового одеяла.

Интересно, была ли подобная практика постоянной и повсеместной либо она явилась в виде реакции на злоупотребления, допускавшиеся бывшим начальником сыскного отделения при расходовании казённых денег?